

Идеи Канта в философии Твардовского

Широко известно, что Твардовский был основателем Львовско-Варшавской школы и, одновременно, одним из ближайших учеников Brentano. Также известно, что отношение Brentano к Канту и его философским установкам было весьма жестким. Из многочисленных отрывков, в которых Brentano излагает свое отношение к Канту, мы приведем только один: «Я считаю, что вся философия Канта представляет собой пример путаницы, породившей еще большее число ошибок и, в конце концов, приведшей к полному хаосу в философии. Я действительно считаю, что я многому научился у Канта. Однако я научился не тому, чему он меня хотел научить, но прежде всего тому, сколь соблазнительной для философской общественности и сколь обманчивой оказывается слава, которую история философии приписывает именам»¹. В этом контексте вопрос о следах влияния Канта на одну из самых главных фигур так называемой школы Brentano выглядит провокационным. Однако, используя слова того же Brentano, мы вскоре увидим, «сколь обманчивой оказывается слава, которую история философии приписывает именам».

1. Твардовский: теория объекта

Для Твардовского «объект» синонимичен «воспринимаемому». Весь спектр воспринимаемого имеет объективный статус. Вещи, однако, относятся только к специальному сегменту воспринимаемого. Мы можем суммировать характеристики объекта, сказав, что:

1. «Быть объектом» означает «быть нечем»;
2. «Быть объектом» отличается от «иметь существование»;
3. Род «объекта» (понимаемого как «нечто») является высшим родом.

Таким образом, метафизика принимает вид теории объектов, не зависимой от дополнительных характеристик, приписываемых объектам науками, которые следуют за метафизикой (или предшествуют ей), то есть не принимающей во внимание, являются ли эти объекты физическими или нефизическими, духовными или нет, реальными или нереальными, существующими или несуществующими.

Следовательно, по Твардовскому, объект есть не что иное как целое, которое может быть сформировано частями. Части бывают различных видов, и между ними имеются различные виды отношений. Представление «нечто» включает в себя и его

представление как целого, и представление его частей, причем последние являются частичными объектами, которым соответствуют определенные элементы содержания представления. Далее Твардовский развивает весьма детальный анализ различных способов использования термина «часть». К сожалению, в этой статье я должен опустить его².

Следующая важная проблема состоит в различении понятий «часть» и «свойство». К примеру, мы можем сказать, что солдат является частью армии, но мы не можем сказать, что он является свойством армии. Подобным же образом минута является частью часа, но не является свойством объекта «час». Мы можем согласиться с Твардовским, назвав метафизические части свойствами данного объекта, то есть частями, которые могут быть выделены в рамках целого при помощи абстракции, но не могут быть материально отделены от него. Метафизическими частями являются, таким образом, цвет, вес, тождество и так далее. Это определение позволяет нам четко сформулировать понятие свойства по крайней мере в двух различных случаях. В первом случае свойство представляет собой отношение, которое обозначает произвольную часть целого в связи с самим этим целым. Таким образом, иметь минуты как свои части является свойством часа, точно так же, как иметь цвет — это свойство тела. Второе различие касается метафизических частей и включает обозначение ровно одного термина отношения, не зависящего от целого, частями которого они являются. Различение основывается на различных функциях дополнительных глаголов, используемых при этом. Таким образом, метафизические части являются частями объекта, тогда как в случае неметафизических частей объект имеет ту или иную часть. Метафизические части также могут становиться неметафизическими частями, если они преобразуются в индивиды второго порядка, например, получая специальные имена. Понятие свойства как метафизической части, следовательно, представляет собой частный пример общего понятия свойства.

Если отношение-свойство является, в свою очередь, частью целого, то эти отношения имеются у объекта точно так же, как материальные компоненты. А это приводит нас к бесконечному регрессу. Чтобы избежать бесконечного регресса, Твардовский вводит понятие сущности. Сущность объекта представляет собой совокупность отношений-свойств, из которых могут быть выведены все остальные отношения-свойства данного объекта³.

2. Непосредственные и опосредованные представления

Объекты могут быть даны нам непосредственно или опосредованно. Опосредованные представления — это такие представления, в которых объект дается при помощи его отношений с другими объектами, это представления, которые указывают

на неизвестный объект, исходя из данного отношения и знания первоначального объекта, вступающего в это отношение. Например, в выражении «отец Сократа» «Сократ» — это известный термин, «быть отцом» — это отношение. В действительности мы заранее знаем ряд характеристик неизвестных объектов, то есть опосредованных представлений. В вышеприведенном примере мы знаем, что мы имеем дело не с «объектом, который находится в отношении быть отцом», но с «мужчиной, который находится в отношении быть отцом» и т. п. Частный случай опосредованных представлений составляют отрицательные представления.

Другой случай опосредованных представлений составляют общие представления. По Твардовскому, объект общего представления отличается от объекта каждого из единичных представлений, которые он содержит. Здесь он опирается на кантовское различие между индивидуальными представлениями, которые даны нам в созерцании, и нашими общими идеями понятий. Это, следовательно, есть не что иное как родовое представление, или точнее, представление, относящееся к родовому объекту. Следовательно, представление треугольника не есть ни представление прямоугольного треугольника, ни представление равнобедренного треугольника, хотя во всех этих случаях оно есть представление «нечто». Различие между непосредственным и общим представлением состоит в том, что общее представление всегда опосредованно и никогда не является созерцательным. Как известно, это положение подчеркивал еще Аристотель, который к этому добавлял еще одно соображение: несозерцательные представления должны сопровождаться созерцательными.

Наконец, следует упомянуть и о некоторых упущениях в предпринятом Твардовским анализе. Хотя отношение на индивидуальном объекте, по-видимому, является относительно ясным, не столь ясно, какой вид объекта соответствует родовому содержанию. Твардовский решительно отбрасывает гипотезу, согласно которой родовое понятие соответствует множеству индивидуальных объектов и строго придерживается позиции, согласно которой содержание всегда и единственным образом связано ровно с одним объектом.

3. Твардовский и Кант

Настоящей задачей этой статьи является выяснение степени влияния Канта на Твардовского, влияния, которое особенно ясно проявляется в трактовке Твардовским объекта представления и общего объекта⁴. Кантовскую основу можно обнаружить практически во всех главных теоретических аргументах Твардовского. Если вспомнить, что тезис, согласно которому

Кант оказал глубокое влияние на брентаповскую традицию, систематически ставится под сомнение, собственный взгляд Твардовского на это положение представляет заметный интерес. По поводу объекта представления мы обнаруживаем в его книге «О теории содержания и предмета представления»⁵ в первом абзаце параграфа 7 следующее открытое заявление: «Обозначая как объект все, что дано посредством представления, мы даем этому слову то же значение, что было придано ему Кантом». Твардовский продолжает: «Наивысшим понятием, — читаем мы у Канта, — на котором основывается трансцендентальная философия, традиционно считается разделение между возможным и невозможным. Однако, поскольку любое деление предполагает делимое понятие, мы должны иметь в виду более высокую идею и это — понятие объекта вообще (в случае, если оно предполагается проблематически и мы не знаем наверняка, представляет оно собой нечто или ничто)»⁶. И еще: «Существует только один аспект, требующий изменения того смысла, который Кант придавал слову «объект». По Канту, объект может быть «нечто» или «ничто». Но я уже указывал, что мы должны понимать «ничто» не как имя для объектов возможных актов представления, но как синкатегорематическое выражение» (Твардовский, 1894, § 7).

Переходя к понятию признака, Твардовский заявляет: «Я должен признать согласие между определением, которое я дал понятию признака, и кантовским определением этого понятия» (Твардовский, 1894, § 13). Очевидно влияние Канта и на данное Твардовским окончательное понятие общего объекта, особенно когда он говорит, что «в одновременном порождении индивидуальных представлений при помощи имен, которые обозначают общие представления, заключается весь смысл кантовской теории, согласно которой понятие (то есть общее представление) опосредованным образом указывает на объект при помощи признака, который может принадлежать нескольким вещам, тогда как созерцание (то есть индивидуальное представление) указывает на объект непосредственно» (Твардовский, 1894, § 15). Следовательно, влияние Канта на Твардовского, особенно в некоторых его теоретически наиболее важных положениях, представляется несомненным.

Прежде чем пойти дальше, обратим внимание на различие между «объектом вообще» и «общим объектом». Формулировка этого различия весьма тонка, но его содержание чрезвычайно важно. Объект вообще есть сущность, общий объект в противоположность ему представляет собой понятие. Удивительно, что критическая литература игнорирует это различие, которое абсолютно необходимо для правильного понимания мысли Твардовского⁷.

4. Общие представления

Твардовский также подчеркивал, что различие объекта и содержания чрезвычайно существенно для понятия признака, то есть для определения сущности объекта. Поскольку признак (Merkmal) является частью объекта, нам следует тщательно отнестись к различению между признаками, которые принадлежат объекту и являются его частями, и признаками, которые являются компонентами содержания. По мнению Твардовского, первые являются компонентами объекта, которые даны при помощи представлений объекта (Твардовский, 1894, § 13).

Как уже было сказано, для Твардовского признаки обозначают существенные части объекта. В широком смысле мы можем также назвать признаками те части содержания, которые соответствуют признакам объекта, хотя мы должны иметь в виду, что признаки объекта составляют объект, тогда как то, что мы называли признаками содержания (или признаками в широком смысле), не достаточно для того, чтобы составлять объект, поскольку объект имеет характеристики, которые не зависят от объектов, которые познаются при их помощи. С этой точки зрения позиция Твардовского опять совпадает с позицией Канта. Для Канта именно признаки объекта порождают наше знание о нем: мышление есть познание по признакам. Твардовский воскрешает эту идею, утверждая, что признак вещи есть нечто такое, познание чего составляет познаваемую часть вещи. Общие представления характеризуются тем, что *«само по себе общее»* представлено в различных индивидуальных представлениях (Твардовский, 1894, § 15). Отсюда следует, что объект общего представления отличается от объектов индивидуальных представлений, которые ему подчиняются. «Общее представление, следовательно, отличается от подчиненных ему индивидуальных представлений только благодаря тому факту, что в нем дан еще и признак, определенное отношение между определенными компонентами объекта и определенными компонентами других объектов, а именно признаком общим всем этим компонентам». К тому же «объектом общего представления... является часть объекта подчиненного ему представления, часть, которая находится в отношении равенства к отдельным частям объектов других индивидуальных представлений». Твардовский заканчивает свой анализ следующими словами: «Общий объект представляет собой в определенном смысле метафизический компонент подчиненного ему единичного объекта» (Твардовский, 1894, § 15).

Прежде чем закончить наше обсуждение, полезно упомянуть о том замечании Твардовского, согласно которому в языках, сохранивших определенный артикль, существительное, связанное этим артиклем, обычно представляет собой «имя общего объекта» (Твардовский, 1894, § 15).

Я уже отмечал, что для Твардовского не существует представлений, включающих в себя множество объектов. Все представления являются индивидуальными. Те, которые, по-видимому, охватывают множество объектов, на самом деле являются представлениями о составных частях, представленных как целое, присущее одновременно нескольким объектам. В этом смысле общее представление всегда является опосредованным представлением и не является созерцательным представлением. Эта позиция опять совпадает с кантовской. Кант фактически утверждал, что общие представления — это представления понятий, связанные с объектами посредством признаков, принадлежащих нескольким вещам. Следовательно, общий объект Твардовского представляет собой метафизический компонент объектов. Поскольку общий объект составлен из элементов, которые даны как целое, он обладает характеристиками индивида. Отсутствие непосредственного представления общих объектов также говорит нам, что они являются вторичными, фиктивными сущностями. Другими словами, они представляют собой то, что соответствует абстрактным единичным терминам; они являются тем самым результатом процесса присваивания имен.

В итоге мы можем сделать вывод, согласно которому оправданная точка Твардовского (объект вообще) и его заключительный пункт (общий объект) имеют близкое сродство с кантовской критической теорией.

Приложение

Некоторые сведения о жизни и произведениях Казимежа Твардовского

Казимеж Твардовский (1866—1938) родился в Вене, где учился у Brentano с 1885 по 1889 г. и вращался в кругу последователей Brentano того периода. В 1891 г. он написал диссертацию «*Idee und Perception. Eine erkenntnis-theoretische Untersuchung aus Decartes*», но поскольку Brentano был тогда только приват-доцентом, обсуждал эту диссертацию с Робертом Циммерманом, одним из учеников Больцано. По окончании университета он переехал в Лейпциг, где на короткое время присоединился к кружку студентов Вундта, а затем переехал в Мюнхен, чтобы заниматься под руководством Штумпфа. В 1894 г. он возвратился в Вену, где и написал свою главную работу «*Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen*». На следующий год Твардовский уезжает во Львов, где преподает до 1930 г. В 1898 г. он публикует книгу: «*Wyobrazenia i rojesia*», которая является одновременно расширенным и упрощенным вариантом его теории. Переработанный немецкий вариант книги вышел в 1902 г. под названием: «*Über begriffli-*

che Vorstellungen», а еще один польский вариант «O istocie pojęć» в 1923 г.

Твардовский, как и Brentano, находился под определенным влиянием Аристотеля, а именно его реализма и некоторой формы корреспондентной теории истины. Действительно, реалистическая теория истины стала одной из самых ярких черт польской аналитической традиции. В своей работе «O takzwanym prawdach wzglednych» Твардовский критиковал тех, кто не проводил различия между безусловно истинными (или ложными) высказываниями и высказываниями, которые являются только относительно истинными. Он обвинял тех, кто совершает эту ошибку, в смешении идиоматических выражений с научными. Разделение между относительной истиной и безотносительной истиной применяется только к идиоматическим выражениям, которые могут быть истинны только в метафорическом, непрямом смысле. Когда же речь идет о суждениях как таковых, нельзя говорить об относительных и безотносительных истинах, поскольку суждение или истинно, а значит, всегда, и везде истинно, или ложно, а значит, всегда и везде ложно. Из работ Твардовского, относительно мало появившихся в печати, заслуживает упоминание его «O czynnosciach i wytworach».

Переезд Твардовского во Львов в 1895 г. стал событием, которое имело глубокие последствия для развития польской философии, а также оказало значительное влияние на всю польскую культуру. Его философский стиль, его постоянное стремление к ясности изложения, строгость его аргументов, его заметные организационные способности и его новаторские теории послужили факторами, которые породили новый интеллектуальный климат и собрали вокруг него широкий круг коллег и учеников, многие из которых стали фигурами национального и международного значения. Здесь достаточно упомянуть Лукаевича, Айдукевича, Котарбиньского, Лесневского и Татаркевича — из первого поколения и Тарского, Линденбаума, Мостовского, Оссовского и Собочиньского — из следующего поколения. Тот факт, что тридцать его учеников стали профессорами в польских университетах, дает чисто количественное понятие о влиянии Твардовского как преподавателя. Он реорганизовал преподавание философии в университетах, придав ей структуру, которая оставалась неизменной вплоть до конца второй мировой войны. В 1897 г. он основал Польский философский семинар, в 1901 г. — Польское философское общество. Он содействовал появлению реферативного журнала обзоров «Przegląd filozoficzny», а в 1911 г. основал «Ruch filozoficzny» библиографический журнал, информировавший польских ученых о событиях в философии за рубежом.

Наиболее важной является книга Твардовского «Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen» (Wien, 1894), перепечатанная издательством Philosophia, München — Wien,

1982; английский перевод «On the Content and Object of Presentations» (Nijhof, Den Haag, 1977). Почти все его труды собраны в «Wybrane pisma filozoficzne» (PWN, Warszawa, 1965). См. также недавно найденную рукопись «Selbstdarstellung», опубликованную в Grazer philosophische Studien, 1990.

О польской философии см.: J. Wolenski. Logic and Philosophy in the Lvov — Warsaw School. (Kluwer, Dordrecht — Boston — London, 1989) первоначальное польское издание 1985 г.; S. Zamecki. Концепcja nauki w szkole lwowsko-warszawskiej. (PWN, Warszawa, 1977); F. Coniglione. Realta e astrazione. Scuola polacca ed epistemologia post-positivista. (CUECM, Catania, 1990).

О Твардовском, кроме соответствующих глав в вышеупомянутых книгах, см. также: T. Czezowski, «Kazimierz Twardowski as a teacher», *Studia philosophica* 1939—40 and Ibidem, «Tribute to Kazimierz Twardowski on the 10th anniversary of his death in 1938», *The Journal of Philosophy* 1960; I. Damska, «François Brentano et la pensée philosophique en Pologne: Casimir Twardowski et son École», *Grazer philosophische Studien* 1978; R. Ingarden, «The Scientific Activity of Kazimierz Twardowski», *Studia philosophica* 1939—40; E. Pazkowska-Lagowska, «On Kazimierz Twardowski's Ethical Investigations», *Reports on Philosophy* 1977; Ibidem, *Psychica i poznanie. Epistemologia Kazimierza Twardowskiego* [Psyche and knowledge. The epistemology of K. T.], PWN, Warsaw 1980; B. Smith, «Kasimir Twardowski: An Essay on the Borderlines of Ontology, Psychology and Logic», in K. Szaniawski (ed.), *The Vienna Circle and the Lvov — Warsaw School*, Kluwer, Dordrecht — Boston — London 1989; L. Albertazzi, «Is There a Transcendental Object?» and R. Poli, «Twardowski and Wolff», both in J. Pańniczek (ed.), *Theories of Objects: Twardowski and Meinong*, KUL, Lublin 1992; R. Poli, «Kazimierz Twardowski (1866—1938)», in L. Albertazzi, M. Libardi, R. Poli (eds.), *The School of Brentano*, Kluwer, Dordrecht — Boston — London 1993.

¹ Brentano F. The true and the evident. London, 1966. P. 10.

² См. Poli. 1993.

³ Твардовский добавляет: из-за отношения причинности. Выраженный в таких терминах предмет однозначно относится к области кантовской философии.

⁴ То есть объект непосредственного восприятия и объект опосредствованного восприятия. По этому поводу я, в частности, высказывался в Albertazzi, 1992.

⁵ Zur Lehre vom Inhalt und Gegenstand der Vorstellungen. Wien, 1894. В дальнейшем ссылки на эту работу даются в тексте следующим образом: (Твардовский, 1894, § 7).

⁶ Здесь имеется в виду «Критика чистого разума», В 259 (3, 276).

⁷ Насколько мне известно, только в Albertazzi, 1992 это разделение впервые проведено отчетливо.

Перевод с английского В. Н. Брюшинкина.